

УДК 811.11:81'42"17/19"

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-14-23

КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ ТЕКСТЕ

Левченко М. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель настоящей статьи – выявление значимости категории информативности для целостности философского текста при выработке алгоритмов его адекватной интерпретации.

Процедура и методы. В статье с помощью структурно-функционального, описательного, контекстуального методов и метода сегментного анализа комментируется отрывок академического философского текста (в немецком и русском варианте) с позиций одной из его ведущих текстообразующих категорий – категории информативности.

Результаты. Доказано, что установленные виды информации (объективная, субъективная, семантическая и эстетическая) должны послужить основой для моделирования философского текста.

Теоретическая и / или практическая значимость состоит в выявлении различных типов информации в тексте-оригинале и сравнении полученных результатов с текстом-переводом, а также в определении субъективной оценки автора в философском произведении, общая интенциональность которого, как правило, постулируется как объективная. Результаты исследования весьма полезны как для германистики и теории языка, так и для сопоставительного изучения языков, и представляют интерес для лингвистов, филологов, журналистов, а также философов, занимающихся вопросами порождения философского текста.

Ключевые слова: субъективная и объективная информация, познание, философский текст, ретроспекция, текст-оригинал, текст-перевод

THE CATEGORY OF INFORMATION IN A PHILOSOPHICAL TEXT

M. Levchenko

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim of this article is to identify the significance of the category of information content for the integrity of a philosophical text in the development of algorithms for its adequate interpretation.

Methodology. Using the structural-functional, descriptive, contextual methods and the method of segment analysis, the article comments on an excerpt from an academic philosophical text (in German and Russian versions) from the standpoint of one of its leading text-forming categories – the category of information.

Results. The article proves that the established types of information (objective, subjective, semantic and aesthetic) should serve as the basis for modeling a philosophical text.

Research implications consist in identifying various types of information in the original text and comparing the results obtained to the translated text, as well as in determining the author's subjec-

tive assessment in a philosophical work, the general intentionality of which, as a rule, is postulated as objective. The results of the study are of use both for German studies and the theory of language, and for the comparative study of languages, and are of interest to linguists, philologists, journalists, as well as philosophers involved in the generation of a philosophical text.

Keywords: subjective and objective information, cognition, philosophical text, retrospection, original text, translation text

Введение

Основная задача любого текста – передача информации. Многие лингвисты занимались изучением видов информации и выдвигали различные теории. Например, Б. А. Чечнев разделяет информацию скрытую и явную [11]. Т. М. Дридзе называет информативность – универсальной текстовой семантической характеристикой [4]. Е. И. Голубева различает субъективную и объективную информацию [2]. А. Моль рассматривает информацию в тексте как семантическую и эстетическую [8]. И. Р. Гальпериным разработана теория трёх видов информации [1], которая нашла отражение в работах К. И. Шпетного [12], Л. Н. Фёдоровой [10], М. Д. Городникова [3], Н. В. Крюковой [5], Л. А. Ноздриной [9] и других.

Обращаясь к анализу философского текста, интересным представляется подход Е. И. Голубевой [2], в котором информация в тексте может быть охарактеризована как субъективная или объективная. По мнению Г. Маркузе, повседневное и философское мышление отличаются тем, что практическая направленность первого противостоит неосуществлённости второго, то есть философская мысль находится только в мышлении и не имеет отражения в поведении человека [7].

Таким образом, язык философского текста – это метаязык, с помощью которого авторы передают результаты философского творчества. Абстрагируясь от непосредственной конкретности ради истинной конкретности [7, с. 235–236], фиксируя и облекая опыт в философских категориях, автор философского текста неизбежно будет находиться на границе субъективности и объективности, научности и художественности, что весьма

значимо для читателя, а значит и актуально при чтении такого рода текстов.

Целью данного исследования является выявление типов информации в тексте-оригинале и сравнение полученных результатов с текстом-переводом, а также определение субъективной оценки автора в философском произведении, общая интенциональность которого, как правило, постулируется как объективная, ведь цель любого философского текста – это максимально точное описание объективной действительности.

К задачам лингвистического анализа можно отнести:

- определение адекватности перевода немецкого текста на русский язык с позиции информативности (на наличие объективной и субъективной, а также имплицитной и эксплицитной информации);

- выявление семантической информации в обоих текстах, которая обладает такими характеристиками, как логичность, структурность, переводимость, и эстетической информации, то есть непереводимой и относящейся к общим знаниям получателя и отправителя, вызывающая какие-либо состояния [8];

- определение исходной информации, то есть новой, и ретроспективной, которая ссылается на исходную [10].

Материалом исследования послужили различные разделы произведения И. Канта „Kritik der reinen Vernunft” и его перевод на русский язык, выполненный Н. Лосским¹. В частности, анализу подверглись следующие параграфы:

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2: Критика чистого разума / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой, М.: Наука, 2006. Ч. 1. 1081 с. (далее в статье при анализе текста указываются номера страниц из этого издания).

– из первой части „Transzendente Elementarlehre“ / «Трансцендентальное учение о началах» и главы „Die transzendente Logik“ / «Трансцендентальная логика» – параграф „Von der transzendenten Logik“ / «О трансцендентальной логике» (с. 142–145);

– из второй части „Transzendente Methodenlehre“ / «Трансцендентальное учение о методе» и второй главы (Zweites Hauptstück) – параграф „Der Kanon der reinen Vernunft“ / «Канон чистого разума» (с. 998–1001).

Анализируемая работа И. Канта – многолетнее осмысление фундаментальных вопросов философии, где большое внимание уделено рассмотрению границ человеческого познания, что послужило базой создания стройной терминологической системы как образца академической университетской философии [6].

Среди используемых в исследовании методов следует назвать системный, структурно-функциональный, описательный, контекстуальный методы и метод сегментного анализа текста. Вместе с тем в работе применяется и типологический метод, с его помощью выявляются наиболее характерные признаки и свойства философского текста, а на базе полученных результатов описывается модель философского текста по категории информативности.

Основные виды информации в тексте

По мнению И. Р. Гальперина [1], в тексте могут присутствовать три вида информации: содержательно-фактуальная (СФИ), содержательно-концептуальная (СКИ) и содержательно-подтекстовая (СПИ). Содержательно-фактуальная информация – это информация о фактах и событиях действительного или воображаемого мира. К ней относятся описание, повествование и размышления. Для содержательно-концептуальной информации присущи такие черты, как логичность, объективность, последовательность и конкретность повествова-

ния. Отличительной особенностью СКИ является творческое переосмысление СФИ. Этот тип информации является характерным для философского текста как мыслительного произведения, отражающего концепт автора. Содержательно-подтекстовая информация является дополнительной, создающей объём произведения и переосмысляющейся читателем после прочтения полного произведения.

Е. И. Голубева различает 2 вида информации: субъективную и объективную. Объективная информация описывает действительность, а субъективная выражает отношение к этой действительности [2].

А. Моль также выделяет 2 вида информации – семантическую и эстетическую [8]. Эта концепция основывается на объективной психологии и перекликается со взглядами Е. И. Голубевой. Семантическая информация характеризуется логичностью и объективностью, а также связана с действием и смыслом, а эстетическая – субъективностью, персональностью. Семантическая информация передаёт состояние внешнего мира, эстетическая, напротив, говорит о внутренних состояниях. С лингвистической точки зрения эстетическая информация теоретически не переводима, так как не существует языка передачи данного вида информации.

Согласно точке зрения Л. Н. Федоровой информация делится на новую, или исходную, и ретроспективную, то есть ссылающуюся на исходную информацию [10].

Перечисленные выше теории представляют большой интерес для изучения философского текста с позиции категории информативности. Глубинное изучение данной категории поможет не только лучше понять мысль автора (что всегда особенно актуально для философских работ), но и корректно и точно создать перевод анализируемого произведения.

Лингвистическая интерпретация категории информативности в философском тексте

Остановимся на анализе параграфа „Von der transzendentalen Logik“ / «О трансцендентальной логике», где автор размышляет о существовании двух видов логик: общей и трансцендентальной, что соответствует заголовку текста.

Die allgemeine Logik abstrahiert, wie wir gewiesen, von allem Inhalt der Erkenntnis, d.i. von aller Beziehung derselben auf das Objekt, und betrachtet nur die logische Form im Verhältnisse der Erkenntnisse aufeinander, d.i. die Form des Denkens überhaupt. Weil es nun aber sowohl reine, als empirische Anschauungen gibt, (wie die transzendente Ästhetik dartut,) so könnte auch wohl ein Unterschied zwischen reinem und empirischem Denken der Gegenstände angetroffen werden... (с. 142).

Уже в первом предложении И. Кант ссылается на предшествующую информацию: „Die allgemeine Logik abstrahiert, wie wir gewiesen ...“ / «Общая логика отвлекается, как мы показали ...». Далее вводится новая информация, а именно – из выведенного ранее тезиса о существовании чистых и эмпирических созерцаний. И. Кант предполагает возможность наличия различных типов мышления: чистого и эмпирического. В немецком языке данное предложение построено с помощью конъюнктивного оборота с модальной частицей „könnte auch wohl ... angetroffen werden“, а в русском переводе, выполненном Н. Лосским, эта возможность передана с помощью оборота «может иметь место ...».

Развивая далее мысль о разных типах мышления, И. Кант предполагает наличие иной логики и определяет область её применения, продолжая при этом повествование в конъюнктиве. Абзац завершается в индикативе, возвращая читателя к фактам, касающимся общей логики, которая не занимается тем, чем предположительно должна заниматься та иная логика, и которая касается только форм

рассудочного познания. Другими словами, можно представить первое рассуждение параграфа по схеме: объективная информация – субъективная информация – объективная информация. При этом такое кольцевое обрамление субъективной информации придаёт предположению автора характер последовательного и логичного изложения. Отсутствие личных местоимений подчёркивает научность и объективность выдвинутой гипотезы, которая в контексте становится утвердительным антитезисом постулату существования логики, отвлекающейся от всякого содержания познания.

Повествование во втором абзаце параграфа начинается с формально субъективного замечания автора, которое при этом является новой информацией в тексте.

Und hier mache ich eine Anmerkung, die ihren Einfluß auf alle nachfolgenden Betrachtungen erstreckt, und die man wohl vor Augen haben muß, nämlich: daß nicht eine jede Erkenntnis a priori, sondern nur die, dadurch wir erkennen, daß und wie gewisse Vorstellungen (Anschauungen oder Begriffe) lediglich a priori angewandt werden, oder möglich sind, transzendental (d.i. die Möglichkeit der Erkenntnis oder der Gebrauch derselben a priori) heißen müsse. Daher ist weder der Raum, noch irgendeine geometrische Bestimmung desselben a priori eine transzendente Vorstellung, sondern nur die Erkenntnis, daß diese Vorstellungen gar nicht empirischen Ursprungs sind, und die Möglichkeit, wie sie sich gleichwohl a priori auf Gegenstände der Erfahrung beziehen könne, kann transzendental heiße (с. 144).

Исключительно формально можно обозначить данную информацию как субъективную, так как, несмотря на использование местоимения „ich“ / «я», И. Кант не предполагает и не высказывает своей позиции, а утверждает, передаёт объективный факт, что «трансцендентальным ... следует называть только то [познание], благодаря которому мы познаем» существование априорных

представлений: „... nur die [Erkenntnis a priori], dadurch wir erkennen, daß und wie gewisse Vorstellungen ... lediglich a priori angewandt werden, oder möglich sind, transzendentally ... heißen müsse“. Субъективным в данном случае является момент уточнения терминологических особенностей передачи информации, которая, по сути, представлена автором текста как объективная.

Важно отметить, что характер семантической информации в тексте всё же несколько условен. Так, автор постулирует, что различие между трансцендентальным и эмпирическим относится к критике познания и поэтому пространство является эмпирическим понятием, хотя вообще оно могло бы быть трансцендентальным („Imgleichen würde der Gebrauch des Raumes von Gegenständen überhaupt auch transzendentally sein“ (с. 144)). С одной стороны, это делает различие субъективным, но, с другой стороны, объективная ограниченность человеческого познания не позволяет рассматривать пространство иначе, так что целесообразно воспринять данное утверждение как истинное.

Третий блок рассуждений, помещённый в заключительный абзац параграфа соответственно, связывает предшествующие постулаты о существовании иной, кроме общей, логики, а также о трансцендентальном познании как инструменте познания априорных понятий.

Imgleichen würde der Gebrauch des Raumes von Gegenständen überhaupt auch transzendentally sein: aber ist er lediglich auf Gegenstände der Sinne eingeschränkt, so heißt er empirisch. Der Unterschied des Transzendentally und Empirischen gehört also nur zur Kritik der Erkenntnisse, und betrifft nicht die Beziehung derselben auf ihren Gegenstand. In der Erwartung also, daß es vielleicht Begriffe geben könne, die sich a priori auf Gegenstände beziehen mögen, nicht als reine oder sinnliche Anschauungen, sondern bloß als Handlungen des reinen Denkens, die mithin Begriffe, aber weder empirischen noch ästhetischen Ur-

sprungs sind, so machen wir uns zum voraus die Idee von einer Wissenschaft des reinen Verstandes und Vernunfterkennnisses, dadurch wir Gegenstände völlig a priori denken... (с. 145).

Схематично содержание параграфа можно описать следующим образом:

- предмет общей логики – логическая форма, т. е. форма мышления вообще; правила мышления (то, благодаря чему существует общая логика) – предмет иной логики;

- познание априори может быть трансцендентальным – это то, благодаря чему мы познаем априорные понятия;

- трансцендентальное познание – это разумное познание, которым должна заниматься трансцендентальная логика.

В целом, повествование параграфа характеризуется чёткостью, последовательностью, аргументированностью. Информация передаётся структурированно и обоснованно, что в целом определяет её как объективную. В тексте слабо выражена повествовательная фигура: единичное использование местоимения первого лица единственного числа обусловлено лишь терминологическим уточнением, заключение делается с помощью местоимения первого лица множественного числа („... machen wir uns...“ / «... мы ... устанавливаем ...»), что придаёт рассуждениям объективированный и научный характер. Выделение в отрывке эстетической информации условно, так как терминологические особенности контекстуально аргументированы и оправданы.

В тексте наличествует исходная и ретроспективная информация. Последняя выражена автором следующим образом:

- Die allgemeine Logik abstrahiert, wie wir gewiesen, von allem Inhalt der Erkenntnis – автор отмечает, что информация базируется на предшествующей главе;

- sowohl reine, als empirische Anschauungen gibt (wie die transzendentally Ästhetik dartut) – отсылка читателя к ранее рассмотренной информации упоминанием о трансцендентальной эстетике;

– In diesem Falle würde es eine Logik geben / В таком случае должна существовать логика – автор делает вывод на основании содержания предыдущих предположений;

– союзами „denn” / «в самом деле», „sofern” / «если только», „hingegen” / «же», „also” / «поэтому», „daher” / «поэтому»;

– Der Unterschied des Transzendenten und Empirischen gehört also – заключение вытекает из предыдущей информации, что выражено союзом „also”, в этом случае переведённом на русский язык «таким образом», что обусловлено положением в предложении;

– весь заключительный абзац относится к ретроспективной информации, раскрывающей тезисы из первого и второго абзаца. В тексте данное обращение выражено союзами „also” / «итак», „weil” / «потому что» и указательным местоимением „solche” / «такая».

Новой или исходной информацией в тексте является лишь введённый автором во втором абзаце тезис о трансцендентальном познании („hier mache ich eine Anmerkung“ / «Здесь я сделаю замечание»).

Анализируя информацию по модели И. Р. Гальперина, следует отметить, что в тексте анализируемого параграфа содержится преимущественно содержательно-концептуальная информация, которая помогает раскрытию кантовской интерпретации познания, однако, также наличествуют факты, на которых строится авторская концепция, что является характерной особенностью содержательно-фактуальной информации.

Перевод анализируемого отрывка характеризуется буквальностью, что обусловлено спецификой повествования. Для передачи логического хода рассуждений И. Канта, Н. Лосский максимально близко переводит текст-оригинал, создавая чёткую терминологическую систему. Синонимичными вариантами перевода в отрывке представлен союз „also”, который в разных частях текста выражен

русскими эквивалентами «поэтому», «таким образом», «итак». Это обусловлено многозначностью немецкого слова. Конъюнктив в большинстве случаев не находит отражения в русском тексте в силу особенностей использования этого наклонения в придаточных предложениях в немецком.

В параграфе „Der Kanon der reinen Vernunft“ / «Канон чистого разума» И. Кант раскрывает идею канона чистого разума.

Es ist demütigend für die menschliche Vernunft, daß sie in ihrem reinen Gebrauche nichts ausrichtet, und sogar noch einer Disziplin bedarf, um ihre Ausschweifungen zu bändigen, und die Blendwerke, die ihr daher kommen, zu verhüten. Allein andererseits erhebt es sie wiederum und gibt ihr ein Zutrauen zu sich selbst, daß sie diese Disziplin selbst ausüben kann und muß, ... (с. 998).

Уже в первых предложениях встречаются оценочные характеристики разума: „Es ist demütigend für die menschliche Vernunft“ / «Для человеческого разума уни-зительно», „erhebt es sie ... und gibt ihr ein Zutrauen“ / «возвышает и возвращает ему доверие». При этом сама информация является новой – первое предложение предстаёт перед читателем новым тезисом: „sie [die Vernunft] ... einer Disziplin bedarf“ / «он [разум] нуждается ... в дисциплине». Второе предложение обращено к первому и содержит ретроспективную информацию („andererseits“ / «с другой стороны»). Третье предложение заключает в себе итог предыдущих, тем самым отсылая к ним.

Второй абзац связывается с предшествующим с помощью вводного слова „indessen“ / «однако», но при этом вводит новую информацию: „muß es ... einen Quell von positiven Erkenntnissen geben“ / «должен ... существовать источник положительных познаний».

Indessen muß es doch irgendwo einen Quell von positiven Erkenntnissen geben, welche ins Gebiete der reinen Vernunft gehören, und die vielleicht nur durch Mißverständnis zu Irrtümern Anlaß geben, in der Tat aber das

Ziel der Beeiferung der Vernunft ausmachen. Denn welcher Ursache sollte sonst wohl die nicht zu dämpfende Begierde, durchaus über die Grenze der Erfahrung hinaus irgendwo festen Fuß zu fassen, zuzuschreiben sein?... (с. 1000).

Во втором абзаце имеется риторический вопрос в форме конъюнктива, который наряду с модальными частицами предыдущего предложения (*doch / же, vielleicht / быть может*) подчёркивает субъективный характер этого отрывка. Н. Лосский допускает некоторую художественность в переводе глагола „*zuschreiben*“ со значением «приписывать, относить», используя выражение «чем же ... можно объяснить», что вполне может быть обусловлено интонацией текста-оригинала и не влияет на передачу смысла в конкретном предложении. Второй абзац завершается предположением, введённым модальным словом „*vermutlich*“, который выражает среднюю степень вероятности. В русском переводе Н. Лосский использует оборот «надо полагать», что оправдано контекстом – ведь речь идёт о предположении, что разум «может надеяться на ... счастье ... на пути практического употребления» (с. 1000), которое в последующем тексте приобретёт интонацию утверждения.

Размышления в заключительной части рассматриваемого отрывка начинаются с повествования в „*ich*“ / «я»-форме, однако контекстуально нельзя отнести подаваемую информацию к типу субъективной.

Ich verstehe unter einem Kanon den Inbegriff der Grundsätze a priori des richtigen Gebrauchs gewisser Erkenntnisvermogen überhaupt. So ist die allgemeine Logik in ihrem analytischen Teile ein Kanon für Verstand und Vernunft überhaupt, aber nur der Form nach, denn sie abstrahiert von allem Inhalte. So war die transzendente Analytik der Kanon des reinen Verstandes; denn der ist allein wahrer synthetischer Erkenntnisse a priori fähig. Wo aber kein richtiger Gebrauch einer Erkenntniskraft möglich ist, da gibt es keinen Kanon. Nun ist alle synthetische Erkennt-

nis der reinen Vernunft in ihrem spekulativen Gebrauche, nach allen bisher geführten Beweisen, gänzlich unmöglich (с. 1001).

Автор уточняет, что он понимает под каноном, но это уточнение не является интерпретацией термина – оно выступает в качестве терминологического пояснения, которое необходимо для верного толкования информации, трактуемой И. Кантом как объективной. Следующие два предложения представлены в форме утверждений и содержат в себе ретроспективную информацию о каноне чистого разума, а также отсылку к предшествующим главам книги, которые рассматривают явления общей логики и трансцендентальной аналитики. Далее автор замечает: „*Wo aber kein richtiger Gebrauch einer Erkenntniskraft möglich ist, da gibt es keinen Kanon*“ / «Там же, где невозможно правильное употребление способности познания, нет и канона».

И далее: „*Nun ist alle synthetische Erkenntnis der reinen Vernunft in ihrem spekulativen Gebrauche ... unmöglich*“ / «Итак, всякое синтетическое познание чистого разума в его спекулятивном употреблении ... невозможно» – ретроспективная информация, повторяющая размышления о желании разума чистых спекуляций, которые ему недоступны (которые «ускользают» / „*fliehen*“). При этом И. Кант подчёркивает эту ретроспекцию: „*nach allen bisher geführten Beweisen*“ / «согласно всем приведенным ранее доказательствам».

Заключительный абзац выглядит следующим образом:

Also gibt es gar keinen Kanon des spekulativen Gebrauchs derselben (denn dieser ist durch und durch dialektisch), sondern alle transzendente Logik ist in dieser Absicht nichts als Disziplin. Folglich, wenn es überall einen richtigen Gebrauch der reinen Vernunft gibt, in welchem Fall es auch einen Kanon derselben geben muß, so wird dieser nicht den spekulativen, sondern den praktischen Vernunftgebrauch betreffen, den wir also jetzt untersuchen wollen (с. 1001).

„Also gibt es gar keinen Kanon des spekulativen Gebrauchs derselben“ / «Следовательно, нет никакого канона спекулятивного употребления чистого разума ...» – следует из авторских размышлений о спекулятивном употреблении чистого разума и о каноне.

„Folglich... wird dieser [Kanon] nicht den spekulativen, sondern den *praktischen Vernunftgebrauch* betreffen ...“ / «Следовательно... этот канон будет касаться не спекулятивного, а практического употребления разума ...» – формально И. Кант продолжает последовательное раскрытие идеи, однако вводится условие подобного следствия: „wenn es überall einen richtigen Gebrauch der reinen Vernunft gibt“ / «если вообще существует правильное употребление чистого разума», которое привносит в повествование субъективный оттенок.

Параграф заканчивается новой информацией, содержащей в себе перспекцию, а именно – автор вводит понятие «практического употребления разума» и заканчивает главу указанием на последующее исследование нового термина.

Всё содержание анализируемого параграфа можно схематически представить следующим образом:

– для разума: униительно, что нуждается в дисциплине; возвышающе, что использует дисциплину самостоятельно без чужой цензуры (первый тезис, субъективная информация);

– цель разума – источник положительных познаний, то есть внеопытных; следовательно, разум жаждет чистых спекуляций, которые невозможны (второй тезис, субъективная информация);

– канон для рассудка и разума вообще – общая логика; канон для чистого рассудка – трансцендентальная логика (третий тезис, объективная информация); априорное познание чистого разума в спекулятивном употреблении невозможно (вывод 1); канона спекулятивного употребления чистого разума не существует (вывод 2 следует из вывода 1); употребле-

ние чистого разума может быть только в практическом употреблении разума (вывод 3 следует из вывода 1, вывода 2 и условия, заданного автором: „wenn es ... einen richtigen Gebrauch der reinen Vernunft gibt“ / «если ... существует правильное употребление чистого разума»).

И. Кант будто нанизывает мысли одна на другую, плавно продвигая читателя к желаемому выводу. Такой сократический метод извлечения из человека скрытых знаний (майевтика) помогает в создании логической и последовательной канвы повествования. При этом по мере развития мысли в тексте встречаются оценочные слова и субъективные суждения философа, которые тщательно скрыты за чёткой структурой произведения и зачастую только формально могут оцениваться как субъективные. К примеру, слова „demütigend“ / «унизительный» или „erheben“ / «возвышать» с позиции научного текста будут характеризоваться как оценочные, однако в данном случае они лишь обозначают две грани разума. Обращение к художественному оформлению мысли обуславливается спецификой философского предмета исследования, который доносится до читателя путём «развёртывания» информации [10]. При этом структура текста отличается чёткостью, последовательностью и логичностью. Каждый параграф повествует ровно о том, о чём гласит его название. Графическое выделение абзацев обуславливается завершённостью мысли. Один абзац – один тезис или одно завершённое суждение.

Проанализированный отрывок характеризуется наличием содержательно-концептуальной и содержательно-фактуальной информации, где первая выступает превалирующим типом. Несмотря на последовательный и чёткий характер изложения, характеризующий текст как объективный и передающий конкретные факты, в рассматриваемом параграфе автор прибегает к использованию оценочных слов, а также слов, выражений и конструкций, выражающих

предположение, субъективность (напр., модальные слова, риторический вопрос). Философский текст содержит в себе по большей части семантическую и ретроспективную информацию. Перевод, как и в двух ранее рассмотренных параграфах, максимально приближен к оригиналу.

Основные результаты и выводы исследования

Резюмируя вышеизложенное, ещё раз следует отметить, что при анализе субъективной и объективной информации в философском тексте обнаруживается неразрешимое противоречие. С одной стороны, изложение картины мира конкретным индивидуумом не может считаться абсолютно объективным. С другой стороны, одной из главных черт любого философского произведения является объективность, проявляющаяся в максимальной обобщённости, объективации мысли автора.

Субъективные идеалисты критиковали теорию И. Канта в том, что таким образом полностью разграничиваются мир явлений и мир идей, и, соответственно, ставится под вопрос возможность объективного существования некоторых по-

нятий, не поддающихся постижению. Однако же данная теория помогает решить множество теоретических вопросов, касающихся анализа философского текста, в том числе с лингвистических позиций. В данном случае, это определение субъективной и объективной информации в тексте.

В целом, категория информативности в философском тексте характеризуется логичностью, последовательностью, конкретностью. Все анализируемые отрывки преимущественно содержат содержательно-концептуальную информацию, что является типологической особенностью данного типа текста. В тексте наличествует объективная и субъективная, семантическая и эстетическая, а также новая и ретроспективная информации. К преобладающим типам относятся: объективная, семантическая и ретроспективная. Все перечисленные особенности информации в философском тексте обуславливают характеристику перевода, который отличается максимальной приближенностью к тексту-оригиналу, дословностью, буквальностью, точностью.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2004. 144 с.
2. Голубева Е. И. Соотношение различных видов информации в тексте автобиографии // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 263. М.: МГПИИЯ, 1986. С. 66–75.
3. Городникова М. Д. О некоторых способах передачи эмоциональной информации // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 118. М.: МГПИИЯ, 1978. С. 64–78.
4. Дридзе Т. М. Опыт экспериментального подхода к изучению проблемы информативности публицистического текста // Психологические и психолингвистические проблемы овладения языком. М.: МГУ, 1969. С. 113–117.
5. Крюкова Н. В. Понимание философского текста как лингвистического феномена // Культура народов Причерноморья. 2010. № 177. С. 242–246.
6. Лега В. П. История западной философии. Ч. 2. М.: ПСТГУ, 2009. 456 с.
7. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. А. Юдина. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
8. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Изд-во «Мир», 1966. 352 с.
9. Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий. М.: Дрофа, 2009. 252 с.
10. Федорова Л. Н. Повтор как средство формирования ретроспекции в художественном тексте // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 103. М.: МГПИИЯ, 1981. С. 111–121.
11. Чечнев Б. А. Информация как проблема знания. Киев: Институт философии АН УССР, 1989. 48 с.
12. Шпетный К. И. Лингвостилистические и структурно-композиционные особенности текста короткого рассказа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 24 с.

REFERENCES

1. Galperin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, URSS Publ., 2004. 144 p.
2. Golubeva E. I. [Correlation of various types of information in the text of autobiography]. In: *Sbornik nauchnykh trudov MGPIIYA im. M. Toreza. Vip. 263* [Collection of scientific works of the Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Iss. 263]. Moscow, Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages Publ., 1986, pp. 66–75.
3. Gorodnikova M. D. [On some ways of transmitting emotional information]. In: *Sbornik nauchnykh trudov MGPIIYA im. M. Toreza. Vip. 118* [Collection of scientific works of the Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Iss. 118]. Moscow, Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages Publ., 1978, pp. 64–78.
4. Dridze T. M. [Experience of an experimental approach to the study of the problem of informativity of a journalistic text]. In: *Psikhologicheskie i psikholingvisticheskie problemy ovladeniya yazykom* [Psychological and psycholinguistic problems of language acquisition]. Moscow, Moscow State University Publ., 1969, pp. 113–117.
5. Kryukova N. V. [Understanding the Philosophical Text as a Linguistic Phenomenon]. In: *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea Region], 2010, no. 177, pp. 242–246.
6. Lega V. P. *Istoriya zapadnoi filosofii. Ch. 2* [History of Western Philosophy. Part 2]. Moscow, St. Tikhon Orthodox Humanitarian University Publ., 2009. 456 p.
7. Marcuse G. *Odnomernyi chelovek* [One-dimensional man]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 368 p.
8. Moles A. *Teoriya informatsii i esteticheskoe vospriyatie* [Information theory and aesthetic perception]. Moscow, «Mir» Publ., 1966. 352 p.
9. Nozdrina L. A. *Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta. Poetika grammaticheskikh kategorii* [Interpretation of a literary text. The poetics of grammar categories]. Moscow, Drofa Publ., 2009. 252 p.
10. Fedorova L. N. [Repetition as a Means of Forming the category of Retrospection in Literary Text]. In: *Sbornik nauchnykh trudov MGPIIYA im. M. Toreza. Vip. 103* [Collection of scientific works of the Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Iss. 103]. Moscow, Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages Publ., 1981, pp. 111–121.
11. Chechnev B. A. *Informatsiya kak problema znaniya* [Information as a problem of knowledge]. Kiev, Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1989. 48 p.
12. Shpetnyi K. I. *Lingvisticheskie i strukturno-kompozitsionnye osobennosti teksta korotkogo rasskaza: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic-stylistic and structural-compositional features of the text of a short story: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1980. 24 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левченко Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: mn.levchenko@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Germanic Philology, Moscow Region State University;
e-mail: mn.levchenko@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Левченко М. Н. Категория информативности в философском тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 14–23.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-14-23

FOR CITATION

Levchenko M. N. The category of information in a philosophical text. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 14–23.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-14-23